

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 119—133.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 119—133.

Научная статья

УДК 613.99(091)“1950/1960”

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.10

«ЛУЧШЕЕ УКРАШЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ – ЧИСТОТА»
(Нормы и практики ухода за телом в памяти жительниц
нестолничного советского города
1950—1960-х гг.)

Наталья Львовна Пушкарева, Ирина Владимировна Богдашина

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Аннотация. Использование нескольких исследовательских стратегий (сравнительно-исторического метода, методов гендерной антропологии, призывающей уделять большее внимание женщинам-информанткам и проявлять эмпатию, выявляя социальные демпферы, обеспечивавшие смягчение противоречий и диспропорций), нескольких видов и типов источников (журнальных публикаций, медицинских брошюр, женских эго-документов и устных женских историй, собранных авторами в Нижнем Поволжье в 2019—2021 гг.) позволило в рамках данной статьи сопоставить ожидаемое (основанное на нормах и регламентациях) и реальное телесное поведение женщин во второе послевоенное десятилетие в СССР (1950—1960-е гг.). Изучены женские повседневные практики, связанные с гигиеной тела, уходом за собой, индустрией красоты; они вписаны в контекст непростой обыденности нестолничного советского города (полной нехватки, трудностей и лишений в локусе, практически разрушенном войной и очень медленно возвращавшем жителей к довоенному уровню жизни). Авторы дополняют картину советской женской истории материалами, которые никогда не вводились в научный оборот, и размышлениями над темами, долго считавшимися в отечественной историографии неглавными, маргинальными. В процессе поиска ответа на вопрос о том, почему именно в годы хрущевской оттепели стало возможным обратить внимание на запросы женской части городского населения, характеризуются способы присутствия переживаемого (феноменологического) в усредненной женской городской среде (на примере желаемого и имеющегося в области парфюмерии), обосновывается связь общей тенденции медиализации сферы ухода за женским телом и индустрии красоты, способов сохранения телесной чистоты и ухоженного внешнего вида.

Ключевые слова: антропология телесности, женщины, гендер, гигиена тела, Сталинград/Волгоград, женские эго-документы, хрущевская оттепель, СССР в 1950—1960-х гг.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестолничная городская повседневность середины XX века)».

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В. «Лучшее украшение женщины — чистота»: (нормы и практики ухода за телом в памяти жительниц нестоличного советского города 1950—1960-х гг.) // *Женщина в российском обществе. 2022. № 4.* С. 119—133.

Original article

**“THE BEST ADORNMENT OF A WOMAN IS CLEANLINESS”
(Norms and practices of body care in the memory of residents
of a non-capital Soviet city in the 1950s — 1960s)**

Natalia L. Pushkareva, Irina V. Bogdashina

N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

Abstract. The use of several research strategies (comparative historical method, methods of gender anthropology, calling for more attention to female informants and empathy, identifying social dampeners that ensured the mitigation of contradictions and disproportions), several kinds and types of sources (journal publications, medical brochures, women’s ego documents and oral female histories collected by the authors in the Lower Volga region in 2019—2021) made it possible, within the framework of this article, to compare the expected (based on norms and regulations) and real bodily behavior of women in the second post-war decade in the USSR, in the 1950s — 1960s. Studied in the article are women’s daily practices related to body hygiene, self-care, situation in the beauty industry. All these aspects are inscribed in the context of the difficult everyday life of a non-capital Soviet city (full of shortages, difficulties and hardships in a locus that was practically destroyed by the war and was very slowly returning to the pre-war standard of living). The authors supplement the picture of Soviet women’s history with materials that have never been introduced into scientific circulation, and reflections on topics that have long been considered minor and marginal in Russian historiography. Looking for an answer to the question of why it became possible to pay attention to the demands of the female part of the urban population during the years of Khrushchev’s thaw, the ways of the presence of the things experienced (phenomenological) in the average female urban environment are characterized (using the example of the desired and available in the field of perfumery), substantiates connection of the general trend of medicalization of the sphere of care for the female body and the beauty industry, ways of maintaining bodily cleanliness and well-groomed appearance.

Key words: anthropology of corporality, women, gender, body hygiene, Stalin-grad/Volgograd, female ego-documents, Khrushchev thaw, USSR in 1950s — 1960s

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-28-01428 “Women’s history as the basis of Russian social optimism (non-capital urban everyday life of the middle of the 20th century)”.

For citation: Pushkareva, N. L., Bogdashina, I. V. (2022) “Luchshee ukrashenie zhenshchiny — chistota”: (Normy i praktiki ukhoda za telom v pamiati zhitel’nit nestolichnogo sovetskogo goroda 1950—1960-kh gg.) [“The best adornment of a woman is cleanliness”: (Norms and practices of body care in the memory of residents of a non-capital Soviet city in the 1950s — 1960s)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 119—133.

Насколько эвристически полезна гендерная антропология тела и телесного для российской женской истории, если история средств женской гигиены была десятилетиями обесценена насмешками и невозможностью говорить о ней вслух? Каков был путь от табу к бережным и безопасным средствам ухода и когда общество сочло возможным помочь женщинам в их заботе о себе? Обращение к этим темам стало возможным в рамках нынешнего антропологического поворота в исторической науке [Гавришина, 2004].

Вопросы женской гигиены были в России темой, столетиями закрытой для обсуждения: в отличие от плодоизгнания она не фиксировалась ни в нарративах, ни в нормативах. В древнерусских сборниках епитимий X—XVII вв. никаких наказаний, касающихся нечистоплотности женщин, не найти [Пушкарева и др., 2021]; в древних лечебниках, генерализовавших знания о способах укрепления фертильности, защиты от инфицирования женской половой сферы, подобного рода информации не содержалось, хотя банные традиции упоминались [Агапкина, 1996]. Первые попытки снять запрет с ранее табуированной темы в отношении женской гигиены отмечены на рубеже XIX—XX вв. [Гильденбрандт, 1909], когда тема женской физиологии немного приоткрылась в публичном дискурсе [Кон, 2010]. Вторым прорывом стали 1920-е гг.; революционный вихрь сломал многие черты старого быта, хотя как раз женские гигиенические стандарты и были укоренены в представлениях, бытовавших на протяжении многих веков, и казались вечными. Общая тенденция медиализации тех сторон женской жизни, которые были связаны с деторождением, как и идея чистоты, сыграла не меньшую роль в изменении отношения к женскому телу, чем понятие «новый быт» [Пушкарева, Пушкарев, 2007]. Дисциплинирующее значение гигиенической нормы, сформулированной в различного рода медицинских рекомендациях, оказалось теснейшим образом связанным с системой властных отношений государства, строящего социализм. Формирование и поддержание гигиенического стандарта было возможным благодаря медицинскому контролю — и он стал ведущей тенденцией, определявшей отношение к женской гигиене и женскому телу на десятилетия [Дуглас, 2000].

Обращаясь ко второму послевоенному десятилетию, мы ставим целью выяснить, как менялось отношение общества и власти к интимным сторонам женского быта — уходу за своим телом, кожей, волосами, ведь это был период создания новых условий городской жизни (с медленным появлением отдельных квартир, оборудованных ванными комнатами), период усиления секулярных и индивидуалистических ценностей, больших возможностей для ухода за собой и заметной унификации быта (по крайней мере в городах), более внимательного отношения к частной сфере жизни людей [Гусарова, 2011]. Поскольку же именно женщины всегда были восприимчивее к социальным требованиям и их положение сильнее зависело от соблюдения последних, постольку мы ставим задачей осмыслить сохранившиеся именно в женской памяти практики, относящиеся к условиям обыденной жизни, не осознаваемым как продукт социокультурных взаимодействий и выступавшим в качестве самоочевидных.

Обнаружив в одном из документохранилищ женский дневник с подробным описанием жизни Сталинграда/Волгограда в годы «оттепели» [Пушкарева, Богдашина, 2021], мы решили дополнить сохраненную в нем информацию

воспоминаниями жительниц города, хорошо помнящих время, когда осуществление каждодневных гигиенических практик обрело новую ценность. С одной стороны, она была связана с нормами опрятности, налагаемыми культурой общения в условиях нормализовавшегося послевоенного быта, с другой — с медицинскими рекомендациями, размножаемыми ежегодно переиздаваемым с 1957 г. томом «Домоводства» и женскими журналами («Работница», «Крестьянка», реже — «Советская женщина»). «Домоводство» и журналы были известны буквально в любом нестоличном городе, оставаясь доступным (а зачастую и единственным) источником информации о гигиене женского тела и желаемом оснащении дома для осуществления предписанных гигиенических действий (холодное и горячее водоснабжение, наличие душа в квартире или посещение общественных бань).

Первым шагом помощи сталинградкам в их нелегком быту стало постановление горкома от 30 октября 1953 г. «О состоянии банно-прачечного хозяйства», положившее начало массовым проверкам общественных бань. Квартиры с ванными комнатами были тогда лишь у немногих при всем стремлении скорейшим образом газифицировать дома и обеспечить их хотя бы газовыми колонками. «Неоперативная работа» коммунальных служб и отсутствие финансирования влекли за собой срыв прежде намеченных сроков банного строительства [ЦДНИВО]. Проблемы с водоснабжением обострились летом, когда вода расходовалась на полив огородов собственниками частных домов. В 1963 г. в подаче воды все еще случались перебои, на верхних этажах невозможно было помыться, и не только в Красноармейском (окраинном), но и в центральных районах города [ГАВО, ф. Р-71, оп. 4, д. 160, л. 15—16]: «И свет был, и газ был, но всегда были проблемы с водой: у нас этаж был 5-й, в летний период часто воды не было, и мы все время держали ванну воды»; «Мы летом всегда в баню ходили. У нас в Красноармейском (она и сейчас стоит) — Красная баня... посещали раз в неделю, вся семья ходила — я с мамой, брат с папой, потому что не было горячей воды. Даже когда ее дали, мы все равно долгое время ходили в баню» (прил., 23).

Новые многоквартирные дома города имели центральный водопровод; в частных же обычно никакой воды не было, женщинами писались жалобы («стирка белья женщинам нашего города причиняет много хлопот»)¹. Спустя годы о неудобствах того времени вспоминали буднично: «Воду носили с колонки, вручную, коромысла не было, кипятили. Купались примитивно. Только в 1970-е гг. — уже на квартире были с газовой колонкой — проблема исчезла»; «Воду носили с колонки, грели в больших кастрюлях, мылись в корытах»; «Воду носили с колонки и грели, а потом провели газ»; «Ходили за водой на колонку, воду грели и в тазиках подмывались ежедневно. Летом у нас был душ, бочка с водой стояла во дворе. Водопровод в дома нашей улицы провели лишь в конце 1960-х» (прил., 11, 17, 26, 24).

Адаптивность к бытовым лишениям сформировала привычки горожанок на долгие годы; касалось это и чистоты телесной, и стирки одежды и постельного белья. При отсутствии горячей воды и прачечных поблизости ручная стирка одеял отнимала женские силы и время, женщину-хирурга лишала чувствительности пальцев: «Стирала ватное одеяло, вышло более 10 ведер воды» (1952 г.);

¹ Солохина Е. Еще раз о прачечных // Сталинградская правда. 1952. 23 августа (№ 200).

«День начала со стирки: сняла чехол с матраца, лет 5 он не стирал, наверно. Плотное толстое, с непривычки кончики пальцев прямо горели» (1958 г.); «Вчера весь день не было воды, опять авария где-то. Пришлось сегодня рано встать, набрать воды и успеть прокипятить белье» (1965 г.; первое обращение к услугам прачечной отмечено в дневнике в 1969 г.) [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 14, л. 66; д. 22, л. 7; д. 31, л. 262; д. 35, л. 101].

В начале 1960-х гг. в многотысячном городе имелось всего 9 прачечных, в 1969 г. их стало 30, но и это был мизер, да и качество стирки заставляло женщин стирать дома [Народное хозяйство... , 1973: 243]. Проверяющие работу прачечных отмечали, что в них часто «грязное белье имеет полный контакт с чистым бельем», «грязно, раствора хлорной извести нет», «стиральные машины рвут белье» [ГАВО, ф. р-6820, оп. 1, д. 57, л. 4—6]. На покупку собственной, даже самой примитивной стиральной машины решались не все, были дороги и порошки, и сами машины: «Машинку мы купили ближе к семидесятым! Я же помню выварку — ручная стирка тяжела была, а времени у мамы особо не было» (прил., 23). «Белье стирали вручную, кипятили, а летом-то очень жарко кипятить. Доставали по благу порошки — “Астра” и “Дон”»; «Стиральную машину позже купили, с центрифугой, в семидесятые... А так мы с мамой, помню, в ванну замочим белья и стираем, стираем» (прил., 17, 13).

Нормативы опрятности требовали частых стирок; дело это было исключительно женским, иногда матерям помогали дочери, помощь мужей была редкостью, ценилась. Самую тяжелую операцию (отстирывание от пятен) выполняли женщины, мужья могли помочь с доставкой воды, полосканием и развешиванием, но чаще — с глаженьем белья [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 31, л. 72 об., 62; д. 32, л. 2, 158; д. 33, л. 15].

Огромное разочарование сталинградкам/волгоградкам приносила невозможность толком помыться не только в пределах дома, но даже в районе проживания. Хирург З. С. Седельникова, переехавшая в Сталинград из Ульяновска в 1951 г., поначалу мылась в бане в соседнем районе города и записала, что приходилось «на поездку тратить уйму времени», замерзая в холодном транспорте по дороге домой [там же, д. 13, л. 113, 154 об.]. По словам респонденток, баня рядом с домом, а тем более ванная комната в квартире казались роскошью. К знакомым и друзьям, которые располагали собственной ванной с горячей водой, напрашивались помыться и постирать [там же, л. 169; д. 17, л. 107]. Среди записей в женском дневнике 1955 г. имеются брезгливые заметки бывшей ленинградки: «Какой кошмар в общей бане! Чужие лица и глаза, грязные и скользкие полы. Противно до крайности. Вымылась за 18 минут и выскочила бегом» [там же, л. 20]. Спустя время она записала, что выходом стало гостевание у знакомых: «В 1-м часу была дома, а лечь не могла, хотелось принять душ, в бане выходной. Пошли с Д. к Евг. Алексеевне, у них газ и душ. После душа сразу чувствуешь себя бодрее. Когда же у нас будет душ и газ! Все лето рыли вокруг дома, провели трубки и повесили счетчик, но газ обещают лишь к весне» [там же, л. 107]. Спустя месяцы она восхищалась возможностью «устроить банный день» и первой опробовать «элементарные удобства, необходимые каждому культурному человеку дома!» [там же, л. 153]. Далеко на второй план ушли ее волнения по поводу проживания в коммунальной квартире, хотя новое удобство ей еще не один год нужно было делить с соседями.

Даже коммунальных квартир с ванными и горячей водой в городе было немного. Частым способом обеспечить банные процедуры являлось устройство в индивидуальных домах дровяных водогреек, именовавшихся «титаны»: «Ходили в баню, ведь дома надо было топить титан, это было сложно, он представлял собой металлическую колонну, топились дровами, детям такую топку не доверяли» (прил., 20). Иногда в домах строили и свои бани (прил., 10, 9, 19), а в зимнее время тайно брали воду из системы отопления (прил., 23).

Неудобным, времязатратным, но привычным способом оставалось согреть воду на печи/плите для «подмывания в тазике/корыте» с помощью молочной бутылки с широким горлом, что, по словам женщин, не заменяло полноценного мытья [там же, д. 25, л. 3 об.] (прил., 7, 17, 18, 24, 26); «Так, чтобы каждый день купаться — такого не было, это пришло со временем. Не приучены мы были, мама у меня из деревни. Запахи мы не замечали, хотя у меня сильно потели подмышки, я мыла их мылом, но полностью не выкупывалась» (прил., 13). Мытье в общественных банях было чревато болезнями (педикулез, женские инфекции, грибок). И все же все вспоминавшие отмечали еженедельность помывок («купались раз в неделю, в четверг, полностью купались и голову мыли») и некую особенную общность, которую формировали женские банные процедуры (прил., 17, 21). «Основная масса купалась в бане, там была парикмахерская и буфет, где можно было попить чай из самовара. Наша соседка тетя Леля ходила в Белую баню и всегда обращалась к мужу с просьбой дать ей денег на чай. Баня стоила 16 копеек, а чай попить 5 копеек, и муж ей на чай не всегда давал, ее это очень обижало», — вспоминает респондентка (прил., 20).

Таким образом, женские эго-документы позволили представить, насколько сильно влияло коммунально-бытовое обустройство города на осуществление гигиенических практик, с какими лишениями и трудностями приходилось сталкиваться каждый день и что становилось привычкой на многие годы вперед. Никакие газеты и журналы это не зафиксировали. Зато они формировали гигиенические стандарты, и советам, размещенным в прессе, старались следовать. В частности, то же «Домоводство» советовало не пользоваться хозяйственным мылом в косметических целях, но в нестоличном городе другое в 1950-х гг. было подчас нелегко найти. Даже волосы часто мыли хозяйственным (прил., 12, 7, 21, 5, 4, 15, 24, 3), но старались найти туалетное и детское (6, 24, 25) — таким был нехитрый выбор. Многие отметили: «шампуня не было», он стал доступен лишь во второй половине 1960-х гг. (прил., 12, 6, 11, 10, 7, 22, 5, 4, 24, 2, 21, 23, 17, 9 и др.). Чтобы смягчить волосы после употребления хозяйственного мыла, женщины прибегали к рекомендованным «Домоводством» растворам — отвару ромашки, слабо подкисленному уксусом и лимонной кислотой, укрепляли корни волос луковым соком, упоминалась заменявшая мыло древесная зола (прил., 19, 17, 4, 13, 11 и др.). На мытье тела предпочитали расходовать хозяйственное мыло, а на умывание лица — туалетное. Женщины, рожденные в 1950-х гг., вспоминают только туалетное мыло и детское (прил., 21, 22, 23, 24 и др.). При этом журнал «Работница» задавал иные стандарты: «Кожа требует тщательного ухода, и самое лучшее средство — соблюдение гигиены: необходимо ежедневно мыться до пояса, не реже раза в неделю принимать душ, ванну или ходить в баню»².

² Трубицин А. У косметики нет секретов // Работница. 1960. № 3. С. 30.

Обеспечить всех женщин нужным количеством туалетного мыла было нелегко, да и журнал рекомендовал в 1960-х гг. мыть жирные волосы «не чаще раза в неделю», сухие раз в 10—12 дней, «пользуясь жидким мылом или мыльной пеной», смазывая их время от времени репейным или касторовым маслом³. Слово *шампунь* ни в одном издании «Домоводства» не упомянуто. Если волосы портились от мыла, это руководство велело промывать шевелюру яичными желтками.

В обстоятельствах коммунальной скученности заниматься таким уходом за собой было почти невозможно, и респондентки ничего подобного в прожитой жизни не вспоминали. Собственная комната была единственным пространством для ухода за телом, совершения же интимного туалета при муже женщины стеснялись: «Жить в одной комнате — это кошмар, если рядом мужчина! Это же элементарная пошлость — совершать туалет на глазах мужа! Вот откуда идет простота нравов и пошленькое отношение к женщине. Многие ли имеют приличную квартиру?» [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 20, л. 210].

Детали женской гигиены были тщательно скрываемы от всех родственников; базовые знания передавались матерями: «Я в пятом классе была, маме рассказала, она меня привела в ванную, дала марлю. Я знала, что у меня *это* должно было быть, мы же общались со сверстницами, я нормально к этому отнеслась. Мама мне все показала, это были старые простыни и марля, и это все стиралось. Сразу надо было застирать-замочить, потом стирать в “Белизне”, потом кипятить. Я все делала сама, чтобы никто не видел. Замачивала в горшке (от брата остался горшок, эмалированный, с крышкой) — в горшок клала и под ванну задвигала, чтобы и мама не видела» (прил., 23).

В общедоступных газетах и журналах никаких вариантов решения вопроса о ежемесячной женской гигиене не публиковалось: табуированность темы подкреплялась ее обесцениванием в профанной речи, терминах («протекла»), анекдотах. В медицинской литературе проскальзывали упоминания употреблявшихся за рубежом с конца XIX в. гигиенических поясах, а с 1921 г. и прокладках, но в СССР их производить не собирались и рекомендации в «женских» изданиях сводились к подчеркиванию важности кипячения белья как способа борьбы с инфекциями [Вам, девушки, 1961: 37—38; 1965: 45—46]. «Домоводство», имевшееся тогда чуть ли не в каждом доме, эту информацию умещало в нескольких строчках [Домоводство, 1956: 11; 1960: 112; 1965: 112], требуя использовать для подмываний только кипяченую (!) воду с мылом и делать это дважды в день. «Необходимо носить повязки. Делают их из ваты, обернув ее марлей, или из мягкой чистой материи», — утверждалось в медицинской брошюре [Майзель, 1962]. Опрошенные нами упомянули книгу 1965 г. «Девочка, девушка, женщина» (тираж — 264 тыс. экз.) [Гранат, Матвеева, 1965] (прил., 13, 23), но и в ней очень скупо говорилось о женской гигиене в дни месячных (на региональном уровне книга была переиздана 10 лет спустя тиражом в 200 тыс. и раскуплена мгновенно [Ананьев, 1974]).

Замалчивая тему помощи женщинам в критические дни (термин более поздний), женские журналы 1950—1960-х гг. успешно коммерциализировали тему *красоты* в ее связи с чистотой. Ванн комнаты в домах, наличие больших зеркал в них, изобретение «гигиеничного» облика покатых холодильников

³ Домбровская М. Ухаживайте за волосами // Там же. 1962. № 1. С. 29.

и пылесосов, отражение борьбы за чистоту в лаконичном дизайне мебели — все говорило о растущем влиянии производителей бытовых товаров на массовые представления о чистоте [Forty, 1986].

С ростом женской социальной мобильности и числа горожанок (с 1959 г. городское население численно преобладало над сельским [Попов, 2002]) женские журналы стали помощниками в адаптации женщин к новым условиям городской жизни, в которой привлекательная наружность увеличивала не только брачные, но и карьерные шансы. Немалое значение имело, как ни странно, завершение электрификации некрупных советских городов за счет масштабной программы строительства АЭС в 1956—1960 гг., а вместе с ним — реальное увеличение светового дня. Советы о том, как модно причесаться, ухаживать за лицом, кожей рук неожиданно посыпались со страниц женских периодических изданий и даже массовых газет 1960-х гг. Периодика стала инструментом регламентации женской гигиены и самого облика женщин, исподволь формируя представления о модном типе красоты. «Работница» и «Крестьянка» — главные источники информации об уходе за собой (в особенности за кожей лица) — упоминались всеми опрошенными (прил., 12, 2, 21, 17, 19, 13 и др.), добавившими также «Домоводство» [Домоводство, 1956: 16—26; 1960: 117—132; 1965: 118—135], брошюру «За здоровый быт» [За здоровый быт, 1956: 176—197; 1960: 181—203; 1965: 195—223] и особенно журнал «Здоровье». В нем, начавшем выходить с 1954 г., в рубрике «Советы здоровья» публиковались рекомендации по уходу за кожей лица⁴, волосами⁵, ногтями⁶, ресницами и бровями⁷. МанIFESTация здоровья и здоровой чистоты была главной темой идеологических запросов и требований к строительницам нового общества, питательные кремы и маски на основе отваров из натуральных трав противопоставлялись химическим завивкам и зарубежному макияжу: «Красивым может быть только здоровый человек, одновременно с заботой о внешности нужно заботиться и о здоровье»⁸.

Но проникавшие даже из-за железного занавеса модные тенденции, в том числе и на химическую завивку, были сильнее доводов журнала «Здоровье». Одна из волгоградонок вспоминала о своей матери: «...ходила в парикмахерскую, делала химическую завивку, проклинала ее, волосы портила сильно» (прил., 16). Огромной заботой женщин был уход за проблемной кожей⁹, советы, касавшиеся

⁴ Тимофеева В. А. Уход за кожей лица зимой // Здоровье. 1955. № 2. С. 30; Поликарпова М. Г. Уход за жирной кожей лица // Там же. № 6. С. 29; Ее же. Как ухаживать за пористой кожей // Там же. 1956. № 12. С. 28; Гусарова А. С. Крем с витамином А // Там же. 1959. № 10. С. 29; Драновская Л. А. Для жирной кожи лица // Там же. 1963. № 9. С. 31.

⁵ Демьянович М. П. Уход за волосами // Там же. 1955. № 8. С. 29; Ласс Д. И. Берегите волосы // Там же. 1956. № 6. С. 31; Поликарпова М. Г. О химической завивке волос // Там же. 1959. № 12. С. 29; Гусарова А. С. Берегите волосы // Там же. 1961. № 8. С. 28; Рохкинд С. Е. Как ухаживать за волосами // Там же. 1965. № 5. С. 30.

⁶ Розентул Л. М. Уход за ногтями // Там же. 1956. № 5. С. 31.

⁷ Кольгуненко И. И. Уход за бровями и ресницами // Там же. № 10. С. 32.

⁸ Никкель Е. Г. Книжная полка // Там же. 1963. № 7. С. 29.

⁹ Назарова Т. Как выводить угри // Работница. 1955. № 9. С. 32; Поликарпова М. Как удалить угри // Крестьянка. 1961. № 2. С. 30—31; Кольгуненко И. Уход за лицом // Работница. 1963. № 9. С. 30.

акне, не печатались разве что в журнале «Советская женщина» (в нем не было и «разоблачительных» статей о вреде декоративной косметики, химической завивки и осветления волос). Другие же журналы, и в особенности «Крокодил», очень часто подвергали все, что касалось западных трендов женской моды, осмеянию¹⁰.

Общим вектором публикаций, связанных с формирующейся советской индустрией женской красоты, стал призыв к сокращению косметических средств и процедур, что было обусловлено слабой доступностью этого вида услуг, включая парикмахерские и косметические салоны. Даже в крупном областном центре сами идеологи нового быта создавали противоречие, призывая женщин быть красивыми, следить за собой и в то же время характеризуя средства, призванные это осуществить, как вредоносные либо открыто признавая их недоступными вдалеке от столиц. С одной стороны, именно в начале 1960-х гг. в крупных городах страны стали возникать косметические кабинеты, с другой — нравоучительные брошюры, обращенные к женщинам, подчеркивали, что «не все имеют время и возможность посещать» их (в том числе по причинам финансовым), да и самих кабинетов пока «еще недостаточное количество»¹¹: «На улице Советской была одна-единственная косметическая лечебница в городе, и это не популяризовалось. Я обращалась туда, когда училась, в конце 1960-х годов, ходила на чистку лица и делала маски. Все это было платно, в отличие от остальной медицины» (прил., 20).

И «Домоводство», и женские журналы активно популяризировали возможность изготовить косметические новинки самостоятельно, ведь для этого не требовались денежные траты, а из произрастающих лечебных трав полезные отвары было «легко приготовить в домашних условиях»¹². Многие опрошенные нами женщины отметили, что вообще «косметикой не пользовались» или «пользовались очень мало» (прил., 2, 13, 22, 5, 8, 1, 23, 25). Этому способствовали общая нацеленность на простоту и умеренность как привычка, сформированная женщинами старшего поколения, недоступность косметических средств, нормы общественного воспитания. В школе учителя не разрешали девочкам краситься, могли проявить насилие в отношении тех, кто этим неписанным правилом пренебрег: «Одна девочка пришла покрашенная, учительница ее умывала»; «У сестры в классе одна девочка покрасила ресницы тушью, и учительница сказала: “Иди умойся и тогда зайдешь в класс”»; «В десятом классе у девушек ногти обязательно должны были быть острижены и не покрашены. Директриса сама стояла у входа и проверяла руки»; «Когда у нас начались вечера, мне так хотелось ресницы покрасить, и я помню, на вечер пришла и подкрасила чуть-чуть, и... вся

¹⁰ См., напр.: Широкий кругозор / рис. В. Васильева // Крокодил. 1953. 10 сентября. (№ 25); Машикллейсон Л. Н. Болезни моды // Здоровье. 1960. № 3. С. 26—27; Трубицин А. Указ. соч.; Последите за собой, пожалуйста! // Работница. 1960. № 7. С. 31; Маршак Я. Кое-что о косметике // Там же. 1962. № 4. С. 31; Семенова Е. Косметическое поветрие // Там же. 1962. № 8. С. 30.

¹¹ Маршак Я. Косметика для всех // Работница. 1961. № 3. С. 31.

¹² См., напр.: Кольгуненко И. Уход за кожей лица и рук // Советская женщина. 1955. № 2. С. 45; Розентул Л. М. Как вывести веснушки // Здоровье. 1955. № 3. С. 29; Назарова Т. О веснушках // Работница. 1955. № 3. С. 31.

школа узнала, что кто-то нарисовал ресницы. Это был школьный вечер, восьмой класс, конец 1960-х годов» (прил., 25, 26, 19, 23). Однако девушки продолжали краситься наперекор запретам: «Я красилась, мама со мной ругалась, в печку прятала все»; «...мама прятала пудру от меня»; «...побелкой со стен замазывали лицо, а румяна делали красным графитным карандашом» (прил., 3, 24).

Жившие вдалеке от Москвы, Ленинграда, Казани женщины честно сказали, что «в моде была такая помада, которую можно было купить»: «Говорили, привезли в “Первый” помаду, и все бежали. Что привозили, то и покупали. Хотя на женщинах видели помаду разного цвета» (прил., 20). Статусные женщины зрелого возраста макияжа стеснялись, 42-летняя автор дневника записала: «В шутку в клинике покрасила губы коралловой помадой. Все товарищи ахнули. Зиночка похорошела! А я тут же сняла помаду. Не привыкла, так лучше» [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 27, л. 77]. Хотя большинство женщин, по их словам, «мало пользовались косметикой», у каждой имелись тушь, пудра и помада для особых случаев (прил., 11, 7, 5, 3, 15 и др.). Одна из респонденток рассказала о пудренице, подаренной отцом: «Была куплена, когда я заканчивала институт. Папа купил мне, я особенно не увлекалась косметикой, но ее храню, подарю внучке» (прил., 8).

Посещения парикмахерских именно во вторую послевоенную декаду стали чертой женского вне рабочего быта. Не все салоны отличались чистотой, санитарные проверки нередко выявляли, что и «дезинфицирующего раствора нет», и «за шкафами в рабочих столах грязно» [ГАВО, ф. р-6820, оп. 1, д. 57, л. 6], но мода на химические завивки и укладки превратила посещения парикмахерских в непременную часть обыденности. После сделанного перманента (долгосрочная укладка волос)¹³ (прил., 10, 5, 16) [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 21, л. 159; д. 27, л. 127; д. 31, л. 174; д. 32, л. 173] женщины там же красили ногти (прил., 6, 21), чернили ресницы и брови (прил., 11, 7, 3, 25) [там же, д. 27, л. 52 об.]. К концу 1960-х гг. женщины уже приноровились окрашивать волосы в домашних условиях красящими шампунями, но завивку сделать дома без посторонней помощи было трудно [там же, д. 35, л. 42, 107]. Иное дело — уход за ногтями, некоторые из респонденток обратили внимание на то, что маникюрными принадлежностями пользовались годами: «Я купила маникюрный набор, когда училась в десятом классе, себе и своей подруге, у нее был день рождения. Вот и сейчас он у меня лежит» (прил., 8).

Уходовая косметика была самой примитивной, зато названия кремов помнятся многим — их было мало: «Березовый», «Метаморфоза», «Ромашковый». Многие, будто следуя журнальным советам¹⁴, делали сами маски из огурца, бадяги, сметаны, сливочного масла (прил., 20, 19, 21, 22, 14, 3, 8, 23), а для увлажнения — настоем аптечной ромашки (прил., 17, 13). Самой распространенной косметической процедурой вне дома были окраска волос и чернение ресниц и бровей [там же, д. 27, л. 52 об.; д. 33, л. 12].

¹³ *Поликарпова М. Г.* О химической завивке волос.

¹⁴ *Ласс Д. И., Поликарпова М.* Витаминные маски // Советская женщина. 1959. № 7. С. 48; *Поликарпова М.* Чтобы не было морщин // Там же. 1960. № 1. С. 37; *Маршак Я.* Косметика для всех // Работница. 1961. № 3. С. 31; *Тимофеева В.* Маски из трав и овощей // Советская женщина. 1961. № 1. С. 29; *Гусарова А. С.* Витаминизированные лосьон и крем «Утро» // Здоровье. 1961. № 3. С. 31.

С довоенных еще времен важное место в жизни женщин занимала парфюмерия. Названия духов и одеколонов респондентки помнят до сих пор — «Гвоздика», «Сирень», «Красные маки», «Быть может», «Серебристый ландыш», «Родной Ленинград», «Красная Москва» (прил., 24, 2, 7, 17, 19, 14, 13 и др.). Не все из перечисленных ароматов были доступны в Сталинграде/Волгограде: «Красная Москва» — элитная парфюмерия, как правило, на подарок. У моей сестры был столик перед зеркалом, полно духов, у кого были деньги — все было»; «У мамы были духи “Красная Москва” — экспортный вариант, на экспорт они были другие, шикарные, за ними все гонялись; когда мамы не было, я брала понюхать»; «Духи “Красная Москва” были дорогие, можно купить, но дорого, покупали в маленьком размере» (прил., 11, 25, 6).

Духи были желанным подарком для каждой женщины [там же, д. 18, л. 216; д. 23, л. 27; д. 24, л. 92; д. 26, л. 7], автор дневника (хирург) подробно рассуждала о том, что одеколон «Магнолия» — это «запах свежести», что одеколоны «Жасмин», «Сирень», «Гвоздика» — «резки и нестойки», а вот одеколон «В полет» — «один из хороших, пахнущих свежестью полевых цветов ранним утром». Самыми любимыми духами ее были даже не «Красная Москва», а «подарочная “Белая сирень”» («Но они очень дорогие, я берегу!» — записала она в 1952 г.) [там же, д. 14, л. 129 об.]. Ароматы в те годы были прочно включены в социальные «ритуалы потребления» и в силу различий в цене явно использовались для выстраивания социальных иерархий. Но женская память сохранила историю желанного и временами доступного из только что проанализированной «сферы необязательного», делающего женскую жизнь радостней (к этой сфере относятся ароматы: они не жизненно необходимы). Журналы и нравоучительные брошюры не осуждали использование парфюмерных изделий, но на первое место все же не уставали выдвигать требование чистоты. Гигиенические процедуры объявлялись естественной надобностью, при этом исподволь постулировалась необходимость быть под постоянным контролем медицинской системы, беспрекословно выполнять советы специалистов в случае проблем с кожей, волосами, больше опираться на медицинское знание, реже — на советы родственников.

Изучение форм интеграции предлагаемых (а зачастую и навязываемых) форм ухода за собственным телом (в частности, преувеличенное значение борьбы с инфицированием путем кипячения) в нужные идеологам рамки противопоставления красоты здоровья «искусственной красоте», создаваемой индустрией модельного конструирования телесного совершенства, предстало составляющей общей программы разделения тогдашнего мира на «мы» и «они». Гендерный аспект темы позволил лишь высветить эти проблемы более ярко. С одной стороны, нужного количества парфюмерной и гигиенической продукции на всех не хватало. С другой — эту нехватку рекомендатели старались изобразить *особенностью*, направляя на использование подручных нехитрых средств и объявляя их лучшими в сравнении с зарубежным изобилием. Краткий абрис истории все большего увлечения советских женщин заботой о красивой коже, стрижками с химической завивкой, заметным макияжем, парфюмерными продуктами убедил в предположении, что этот процесс был связан (как и везде в мире) [Peiss, 1998] с новым этапом урбанизации, освоением женщинами публичного пространства, увеличением количества времени, проводимого горожанками вне дома. Политическое значение

практик ухода за собой, сообщаемых женскими журналами и «Домоводством», заключалось в уравнивании возможностей женщин, принадлежащих к разным социальным слоям, а зачастую и разным этническим группам, проживавшим в полиэтничном регионе Нижнего Поволжья.

Список источников

- Агапкина Т. А.* Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре / сост. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996. С. 103—150.
- Ананьев Я. М.* Девочка, девушка, женщина. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1974. 111 с.
- Вам, девушки / сост. О. В. Коробкевич. М.: Медгиз, 1961. 272 с.
- Вам, девушки / сост. О. В. Коробкевич. М.: Медицина, 1965. 287 с.
- ГАВО (Государственный архив Волгоградской области).
- Гавришина О. В.* Повседневность во множественном числе // Объять обыкновенное: повседневность как текст по-американски и по-русски. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 11—18.
- Гильденбранд А. И.* Мир половых страстей. СПб.: Электронпечатня К. А. Четверикова, 1909. 116 с.
- Гранат Н. Е., Матвеева Е. Е.* Девочка, девушка, женщина. М.: Знание, 1965. 63 с.
- Гусарова К. О.* Лучшее украшение женщины и гигиенический прогресс // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. № 19. С. 115—119.
- Домоводство / сост. А. А. Демезер, М. Л. Дзюба. М.: Сельхозгиз, 1956. 246 с.
- Домоводство / сост. А. А. Демезер. М.: Сельхозгиз, 1960. 792 с.
- Домоводство / сост. А. А. Демезер. М.: Колос, 1965. 786 с.
- Дуглас М.* Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 288 с.
- За здоровый быт: сборник лекций / О-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР, Ленингр. отд-ние. Л.: [б. и.], 1956. 200 с.
- За здоровый быт: сборник лекций / О-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР, Ленингр. отд-ние. Л.: [б. и.], 1960. 274 с.
- За здоровый быт: сборник лекций / о-во «Знание» РСФСР, Ленингр. организация. Л.: [б. и.], 1965. 400 с.
- Кон И. С.* Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 606 с.
- Майзель Е. П.* Гигиена половой жизни женщины. Л.: Медгиз, 1962. 20 с.
- Народное хозяйство Волгоградской области (1966—1971). Саратов: Союзучетиздат, Саратов. отд-ние, 1973. 289 с.
- Попов Р. А.* Количественная характеристика урбанизации регионов России во второй половине XX в. // Известия РАН. Сер.: География. 2002. № 1. С. 49—56.
- Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В.* Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950—1960-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 93—104.
- Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А., Белова А. В.* Сметая запреты. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 504 с.
- Пушкарева Н. Л., Пушкарев А. М.* Ранняя советская идеология 1918—1928 годов и «половой вопрос» // Советская социальная политика 1920-х — 1930-х годов / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант: Центр соц. политики и гендер. исслед., 2007. С. 199—228.

ЦДНБВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области). Ф. 71.
Оп. 21. Д. 40. Л. 21.

Forty A. *Objects of Desire*. London: Thames and Hudson, 1986. 245 p.

Peiss K. *Hope in a Jar: the Making of America's Beauty Culture*. New York: Metropolitan Books, 1998. 352 p.

References

- Agapkina, T. A. (1996) Slavianskie obriady i verovaniia, kasaiushchiesia menstruatsii [Slavic rituals and beliefs related to menstruation], in: *Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture*, Moscow: Ladimir, pp. 103—150.
- Anan'ev, Ia. M. (1974) *Devochka, devushka, zhenshchina* [Girl, girl, woman], Volgograd: Nizhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Domovodstvo* (1956) [Housekeeping], Moscow: Sel'khozgiz.
- Domovodstvo* (1960) [Housekeeping], Moscow: Sel'khozgiz.
- Domovodstvo* (1965) [Housekeeping], Moscow: Kolos.
- Duglas, M. (2000) *Chistota i opasnost': Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu* [Purity and danger: An analysis of defilement and taboo ideas], Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole.
- Forty, A. (1986) *Objects of Desire*, London: Thames and Hudson.
- Gavrishina, O. V. (2004) Povsednevnost' vo mnozhestvennom chisle [Everyday life in the plural], in: *Ob'iat' obyknovnoe: Povsednevnost' kak tekst po-amerikanski i po-russki*, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 11—18.
- Gil'denbrandt, A. I. (1909) *Mir polovykh strastei* [World of sexual passions], St. Petersburg: Ëlektropechatnia K. A. Chetverikova.
- Granat, N. E., Matveeva, E. E. (1965) *Devochka, devushka, zhenshchina* [Girl, girl, woman], Moscow: Znanie.
- Gusarova, K. O. (2011) Luchshee ukrashenie zhenshchiny i gigienicheskiĭ progress [The best adornment of a woman and hygienic progress], *Teoriia mody: Odezhda, telo, kul'tura*, no. 19, pp. 115—119.
- Kon, I. S. (2010) *Klubnichka na berëzke: Seksual'naiia kul'tura v Rossii* [Strawberry on a birch: Sexual culture in Russia], Moscow: Vremia.
- Maizel', E. P. (1962) *Gigiena polovoi zhizni zhenshchiny* [Hygiene of a woman's sexual life], Leningrad: Medgiz.
- Narodnoe khoziaĭstvo Volgogradskoi oblasti (1966—1971)* (1973) [National economy of the Volgograd region (1966—1971)], Saratov: Soiuzuchëtizdat, Saratovskoe otdelenie.
- Peiss, K. (1998) *Hope in a Jar: The Making of America's Beauty Culture*, New York: Metropolitan Books.
- Popov, R. A. (2002) Kolichestvennaia kharakteristika urbanizatsii regionov Rossii vo vtoroi polovine XX v. [Quantitative characteristics of the urbanization of Russian regions in second half XX c.], *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk, seriia Geografiia*, no. 1, pp. 49—56.
- Pushkareva, N. L., Bogdashina, I. V. (2021) Istochniki lichnogo proiskhozhdeniia po istorii zhenskoĭ sovetskoi provintsial'noi povsednevnosti 1950—1960-kh gg. [Personal provenance sources on the history of provincial daily life of Soviet women in the 1950—1960s], *Vestnik arkhivista*, no. 1, pp. 93—104.
- Pushkareva, N. L., Mitsiuk, N. A., Belova, A. V. (2021) *Smetaia zaprety* [Sweeping prohibitions], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Pushkareva, N. L., Pushkarev, A. M. (2007) Ranniaia sovetskaia ideologiia 1918—1928 godov i “polovoĭ vopros” [Early Soviet ideology of 1918—1928 and the “sexual question”], in: Romanov, P., Iarskaia-Smirnova, E. (eds), *Sovetskaia sotsial’naia politika 1920-kh — 1930-kh godov*, Moscow: Variant, Tsentr sotsial’noĭ politiki i gendernykh issledovaniĭ, pp. 199—228.
- Vam, devushki* (1961) [To you, girls], Moscow: Medgiz.
- Vam, devushki* (1965) [To you, girls], Moscow: Meditsina.
- Za zdorovyĭ byt: Sbornik lektsiĭ* (1956) [For a healthy life: A collection of lectures], Obshchestvo po rasprostraneniuiu politicheskikh i nauchnykh znaniĭ RSFSR, Leningradskoe otdelenie, Leningrad: [s. n.].
- Za zdorovyĭ byt: Sbornik lektsiĭ* (1960) [For a healthy life: A collection of lectures], Obshchestvo po rasprostraneniuiu politicheskikh i nauchnykh znaniĭ RSFSR, Leningradskoe otdelenie, Leningrad: [s. n.].
- Za zdorovyĭ byt: Sbornik lektsiĭ* (1965) [For a healthy life: A collection of lectures], Obshchestvo “Znanie” RSFSR, Leningradskaia organizatsiia, Leningrad: [s. n.].

Приложение

Полевые материалы авторов, г. Волгоград

1. М. Ф., 1932 г. р. (учительница), запись 13.09.2020.
2. М. П., 1933 г. р. (продавец), запись 20.05.2019.
3. Н. Ф., 1933 г. р. (швея на фабрике), запись 24.08.2019.
4. Р. А., 1935 г. р. (работница завода), запись 05.05.2019.
5. Л. В., 1936 г. р. (медсестра), запись 10.11.2019.
6. И. В., 1937 г. р. (бухгалтер), запись 16.06.2019.
7. Н. В., 1938 г. р. (учительница), запись 06.09.2019.
8. Л. И., 1939 г. р. (учительница), запись 26.08.2020.
9. Т. Г., 1940 г. р. (продавец), запись 20.09.2019.
10. Н. П., 1941 г. р. (лаборантка), запись 31.08.2019.
11. Н. А., 1942 г. р. (учительница), запись 26.06.2019.
12. А. Д., 1943 г. р. (воспитательница), запись 19.05.2019.
13. Е. В., 1944 г. р. (секретарь), запись 15.03.2020.
14. Г. П., 1945 г. р. (воспитательница), запись 14.05.2019.
15. Н. Е., 1945 г. р. (работница общепита), запись 17.01.2020.
16. Т. В., 1948 г. р. (преподавательница), запись 02.09.2019.
17. А. И., 1948 г. р. (швея ателье), запись 26.07.2019.
18. Л. Д., 1948 г. р. (работница завода), запись 22.02.2020.
19. Т. М., 1950 г. р. (учительница), запись 22.10.2019.
20. Г. Ю., 1951 г. р. (библиотекарь), запись 29.08.2019.
21. О. В., 1953 г. р. (учительница), запись 30.10.2019.
22. Т. А., 1954 г. р. (преподавательница), запись 27.08.2019.
23. Л. Г., 1954 г. р. (преподавательница), запись 29.01.2021.
24. Н. П., 1956 г. р. (преподавательница), запись 14.10.2019.
25. Л. В., 1956 г. р. (преподавательница), запись 01.10.2019.
26. Л. М., 1958 г. р. (сотрудница общепита), запись 21.01.2021.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Богдашина Ирина Владимировна — аспирантка Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, ira18bogdashina@mail.ru (Post-graduate student at the Center for Gender Studies, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).